

Тревожный период

В то время как германские армии в Италии отступали, войска Тито быстро продвинулись на итальянскую территорию на северо-востоке. Они надеялись до прибытия англо-американских войск захватить земли, на которые претендовали в этом районе, и в особенности занять Триест.

Но американцы и мы не только были полны решимости не допустить такого урегулирования вопроса о границах до заключения мирного договора, мы также намеревались занять Триест с его великолепным портом в качестве важнейшего пункта снабжения для будущих оккупационных зон в Австрии. Наша позиция в отношении этих проблем была совершенно ясной, и соответственно этому генералу Александеру, который в марте посетил Тито в Белграде, было поручено принять необходимые меры.

1 мая Александр сообщил мне, что, по его расчету, войска 8-й армии достигнут Триеста в ближайшие 24 часа. Эти войска получили приказ занять Триест, якорную стоянку в Поле и линии коммуникаций между Италией и Австрией. При установлении связи с регулярными югославскими войсками предлагалось проявить большую осторожность во избежание вооруженных столкновений.

В тот же день Александр послал Тито телеграмму, уведомляя последнего о своих планах. «Они, — указывал он, — аналогичны планам, которые мы обсуждали в Белграде... Я полагаю, что любые Ваши силы, которые могут оказаться в районе моих операций, поступят под мое командование, как это Вы предложили во время наших недавних бесед в Белграде, и что сейчас Вы издадите приказ по этому поводу».

Мне он сообщил:

Фельдмаршал Александр — премьер-министру

1 мая 1945 года

Регулярные войска Тито сражаются сейчас в Триесте и уже заняли основную часть Истрии. Я совершенно уверен, что он не отведет своих войск, получив приказ об этом, если только русские не дадут ему указания сделать это.

Если объединенный англо-американский штаб прикажет мне занять всю Венецию-Джулию, в случае необходимости силой, мы наверняка будем вынуждены сражаться с югославской армией, которая будет опираться по меньшей мере на моральную поддержку русских. Мне кажется, что нам, пока мы не пошли на это, было бы также целесообразно подумать о настроении наших собственных войск в этом вопросе. Они горячо восхищаются партизанской армией Тито и очень сочувствуют ей в ее борьбе за свободу. Поэтому мы должны весьма тщательно взвесить, прежде чем предложить войскам отвернуться от общего врага для того, чтобы сразиться с союзником. Конечно, я не возьму на себя смелость судить о реакции нашего собственного народа, который Вы так хорошо знаете.

Войска Тито действительно вошли в Триест 30 апреля в надежде не только занять город и окружающий район, но и добиться капитуляции

германского гарнизона в составе семи тысяч человек со всем их снаряжением. Только во второй половине следующего дня югославские войска установили связь с авангардом новозеландской 2-й дивизии западнее Монфальконе. 2 мая генерал Фрейберг и его новозеландские войска вступили в Триест, приняли капитуляцию германского гарнизона и заняли район порта.

5 мая Александр телеграфировал:

Фельдмаршал Александр — премьер-министру

5 мая 1945 года

Позиции Тито... сейчас гораздо более сильны с военной точки зрения, чем он предвидел в бытность мою в Белграде, и он желает воспользоваться этим. В то время он надеялся вступить в Триест после того, как я окончательно уйду оттуда. Сейчас он хочет обосноваться там, а мне разрешить лишь право пользования.

Мы должны учитывать, что после нашей встречи он побывал в Москве. Я полагаю, что он будет придерживаться нашего первоначального соглашения, если его можно будет уверить в том, что, когда Триест мне больше не понадобится в качестве базы для моих сил в Австрии, ему будет дозволено включить его в состав своей Новой Югославии.

Последняя фраза телеграммы Александра потребовала, чтобы я полностью разъяснил нашу политическую точку зрения.

Премьер-министр — фельдмаршалу Александру

6 мая 1945 года

*Мне нравится вся Ваша переписка с Тито. Я очень рад, что Вы вошли в Триест, Горицию и Монфальконе вовремя, с тем чтобы просунуть ногу в дверь. Тито, поддерживаемый Россией, будет усиленно напирать, но не думаю, чтобы они посмели атаковать Вас в вашем нынешнем положении. Если Вы не сумеете добиться удовлетворительного рабочего соглашения с Тито, то в этот спор должны будут вмешаться правительства. **Не может быть и речи о том, чтобы вы заключили с ним какое-либо соглашение о включении Истрии или какой-либо части довоенной Италии в его Новую Югославию. Судьба этой части мира оставляется для решения за столом мирной конференции, и Вы, безусловно, должны поставить его об этом в известность***.*

Неделей позже, 12 мая, после великих событий, которые произошли на западном фронте, от президента Трумэна прибыла весьма приятная

* Выделено мной.

и решительная телеграмма. Президент считал, что, если Тито добьется успеха, он, вероятно, потребует некоторых районов Южной Австрии, Венгрии и Греции. Хотя на карту, возможно, поставлены устойчивость Италии и ее отношения с Россией, однако сейчас проблема заключается не в том, чтобы встать на чью-то сторону в споре между Италией и Югославией или позволить втянуть себя в балканскую политику; речь идет о том, чтобы решить, намерены ли Англия и Америка дозволить своим союзникам заняться бесконтрольным захватом земель, т. е. прибегнуть к тактике, слишком напоминающей тактику Гитлера в Японии. Оккупация Триеста югославами имела бы более серьезные последствия — с этим связана не только непосредственная судьба этой территории.

Трумэн предложил проинформировать Сталина о наших планах в соответствии с ялтинским соглашением и в заключение заявил следующее: «Если мы будем держаться твердо в этом вопросе, так же как мы делаем это в вопросе о Польше, мы сможем надеяться избежать множества других аналогичных посягательств».

Нет нужды говорить, какое облегчение почувствовал я, получив от моего нового коллеги столь драгоценную поддержку.

Тем временем ситуация вокруг Триеста обострялась. Сначала Александер удовлетворился было согласием Тито поставить под командование союзников югославские строевые и нестроевые части, по крайней мере в тех районах, где мы вели операции, хотя, конечно, мы предпочли бы, чтобы они совсем ушли. Но югославские посты и часовые ограничивали наши передвижения. Их поведение как в Австрии, так и в Венеции-Джулии производило плохое впечатление на союзные войска как американские, так и английские. Наши солдаты были вынуждены наблюдать, не имея права вмешиваться, за действиями, оскорблявшими их чувства справедливости, и они считали, что потакают дурному делу. «В результате, — телеграфировал Александер, — неприязнь к Югославии сейчас заметно усиливается. Теперь можно быть уверенным в том, что любое решение, на основе которого мы разделили бы какой-либо район с югославскими войсками или партизанами либо позволили функционировать там югославской администрации, оказалось бы неосуществимым».

19 мая я ответил президенту:

Премьер-министр — президенту Трумэну

19 мая 1945 года

Надеюсь, Вы не будете возражать, если я со всем уважением укажу Вам на необходимость еще раз вернуться к словам «война с югославами» и «нападут на нас». Я не предвижу войны с югославами, и, если исключить возможность возникновения войны, я не считаю, что слов следует отозвать. Именно в критические моменты послы должны

быть на месте. Ответ Тито прибыл. Он полностью отрицательный. Ясно, что мы не можем оставить дела в таком положении, и сейчас необходимо предпринять немедленные действия. В противном случае создастся впечатление, что мы только запугивали, и в результате сами станем жертвами запугивания.

21 мая Трумэн сообщил о своем согласии с тем, что мы не можем оставить дело в том положении, в каком оно находится. Мы должны отвергнуть ответ Тито и немедленно усилить свои войска, дабы югославы не питали никаких сомнений относительно наших намерений. Он предлагал, чтобы Эйзенхауэр и Александер произвели демонстрацию силы на суше и в воздухе и чтобы время для этой демонстрации совпало с моментом отклонения нами требований Тито. Президент считал, что серьезная демонстрация может образумить Тито, но сомневался в том, что в случае возникновения военных действий к ним можно будет отнести как к пограничным инцидентам.

Начальник штаба Александра генерал Морган в конце концов договорился с югославами о демаркационной линии вокруг Триеста.

* * *

Прошел еще месяц все нараставших трений с Советами и с Тито, и только тогда сам Сталин обратился ко мне по поводу югославской проблемы.

Маршал Сталин — премьер-министру

21 июня 1945 года

Несмотря на то что югославское правительство приняло предложение американского и британского правительств относительно района Истрии — Триеста, переговоры в Триесте, как видно, зашли в тупик. Это объясняется главным образом тем, что представители союзного командования на Средиземном море не хотят считаться даже с минимальными пожеланиями югославов, которым принадлежит заслуга освобождения от немецких захватчиков этой территории, где к тому же преобладает югославское население. Такое положение нельзя считать удовлетворительным с точки зрения союзников.

Не желая обострять отношений, я до сего времени не упоминал в переписке о поведении фельдмаршала Александра, но теперь приходится подчеркнуть, что нельзя согласиться с тем, чтобы в этих переговорах применялся тот заносчивый тон, которым иногда пользуется фельдмаршал Александер в отношении югославов. Никак нельзя согласиться с тем, что фельдмаршал Александер в официальном публичном обращении допустил сравнение маршала Тито с Гитлером и Муссолини. Такое сравнение несправедливо и оскорбительно для Югославии.

Для советского правительства был неожиданным также тон ультиматума в том заявлении, с которым англо-американские представители обратились к югославскому правительству 2 июня. Как можно рассчитывать такими методами обеспечить прочные положительные результаты?

Все это заставляет меня обратить Ваше внимание на создавшееся положение. Я по-прежнему надеюсь, что в отношении Триеста — Истрии справедливые югославские интересы будут удовлетворены, особенно имея в виду то обстоятельство, что в основном вопросе югославы пошли навстречу союзникам.

Я ответил ему:

Премьер-министр — маршалу Сталину

23 июня 1945 года

1. Благодарю Вас за Вашу телеграмму от 21 июня. В октябре в Кремле все мы исходили из того, что югославские дела должны решаться на базе 50% русского и 50% английского влияния. Сейчас фактически эта пропорция напоминает скорее 90 : 10, и даже в отношении этих жалких 10% маршал Тито подвергает нас крайне сильному нажиму. Этот нажим оказался столь жестким, что Соединенным Штатам и правительству Его Величества пришлось привести в движение многие сотни тысяч войск, чтобы оградить себя от нападения маршала Тито.

2. Югославы чинят большие жестокости в отношении итальянцев в этой части мира, в особенности в Триесте и Фиуме, и вообще они проявили склонность захватывать любую территорию, на которую проникают их легкие силы. Продвижение этих легких сил было бы невозможно, если бы Вы, со своей стороны, не осуществили огромных и желанных наступлений с востока и на севере и если бы фельдмаршал Александер не сковал на своем фронте в Италии двадцать семь неприятельских дивизий и не принудил их наконец к капитуляции. Я не считаю возможным говорить, что всю эту территорию завоевал маршал Тито. Она была завоевана в результате продвижения крупных сил как на западе, так и на востоке, которые вынудили немцев к стратегическому отступлению с Балкан.

3. Во всяком случае, мы пришли к соглашению, которое намерены выполнять. Мы считаем, что вопрос о всяких территориальных изменениях постоянного характера должен решаться за столом мирной конференции и что маршал Тито несколько не пострадает, если он признает нынешнюю линию, которой мы требуем, пока это совещание не состоится. А тем временем мы сможем совместно переговорить обо всех этих вопросах в Берлине.

4. *Формулировки в телеграмме фельдмаршала Александра фактически были в основном взяты из предварительного текста, полученного от президента. Мы не видим оснований, оправдывающих бесцеремонное обращение с нами, в особенности со стороны людей, которым мы помогли, причем начали им помогать раньше, чем Вы сумели установить с ними какую-либо связь. Поэтому я не вижу никаких оснований извиняться за фельдмаршала Александра, хотя мне и не было известно, что он собирался составить свою телеграмму именно в таком духе.*

5. *Мне кажется, что русифицированная граница, идущая от Любека через Эйзенах до Триеста и дальше вниз к Албании, — это вопрос, требующий обстоятельных дискуссий между добрыми друзьями.*

6. *Это именно то, о чем нам нужно переговорить совместно при нашей встрече, до которой уже недолго.*

В этот тревожный промежуток между капитуляцией Германии и трехсторонней конференцией в Берлине генерал де Голль тоже решил обеспечить позиции Франции как в Сирии, где он действовал вразрез с последовательно проводившейся нами политикой обеспечения независимости Сирии, так и в Италии, где он нанес оскорбление Соединенным Штатам.

Еще 27 февраля я в совершенно ясных выражениях изложил в палате общин нашу политику:

«Я должен разъяснить, притом раз и навсегда, позицию правительства Его Величества в отношении Сирии и Ливана и в отношении наших французских союзников. Эта позиция определяется заявлениями, сделанными в 1941 году, в которых Великобритания и Франция окончательно провозгласили независимость этих государств Леванта. В то время и с тех самых пор правительство Его Величества давало ясно понять, что оно никогда не будет пытаться заменить французское влияние в государствах Леванта английским. Мы твердо решили также уважать независимость этих государств и приложить все усилия в целях сохранения особого положения Франции, учитывая многочисленные культурные и исторические связи, с давних пор установленные Францией и Сирией. Мы надеемся, что французы сумеют сохранить это особое положение. Мы верим, что властью всемирной организации эти государства будут поставлены на прочную основу и что привилегия французов также будет признана.

Однако я должен разъяснить, что не нам одним надлежит защищать силой независимость Сирии и Ливана или привилегию Франции. Мы стремимся и к тому и к другому и не считаем их несовместимыми. Поэтому нельзя возлагать слишком большое бремя на плечи одной только Великобритании. Нам нужно учитывать тот факт, что Россия и Соединенные Штаты признали независимость Сирии и Ливана и относятся к ней с одобрением, но они не одобряют предоставления какого-либо особого положения любому другому иностранному государству».

Освобождение Франции повлекло за собой серьезный кризис в странах Леванта. С некоторых пор было ясно, что потребуются новый договор для определения французских прав в этом районе, и на обратном пути из Ялты я встретился в Каире с президентом Сирии и уговаривал его мирно договориться с французами. Государства Леванта не желали начинать переговоры, но мы убедили их это сделать, и переговоры начались. Французский делегат генерал Бэйнэ отправился в Париж за инструкциями, и вся Сирия с тревогой и волнением ожидала его предложений. Произошла задержка; никаких предложений не поступало; затем распространилось известие, что в пути находятся французские подкрепления. 4 мая я обратился к де Голлю с дружественной телеграммой, в которой объяснил, что у нас нет никаких притязаний в государствах Леванта и что мы выведем все наши войска из Сирии и Ливана, как только новый договор будет заключен и вступит в силу. Однако я упомянул также, что нам нужно оберегать от нарушений и разъединения свои военные коммуникации на всем Среднем Востоке. Мы указали ему, что прибытие французских подкреплений, даже самых небольших, неизбежно будет расценено как средство давления и это может иметь серьезные последствия. Этот совет не был принят, и 17 мая французские войска высадились в Бейруте.

Последовал взрыв. Правительства Сирии и Ливана прервали переговоры и заявили, что сейчас, когда война кончена, союзникам предложат эвакуировать все иностранные войска. Начались антифранцузские забастовки и демонстрации. В Алеппо было убито 8 человек и 25 ранено. Сирийская палата депутатов приняла решение о введении воинской повинности. Заявление английского министерства иностранных дел от 26 мая, выражавшее сожаление по поводу прибытия французских подкреплений, вызвало на следующий день ответ из Парижа, в котором говорилось, что беспорядки спровоцированы искусственно и что в эти страны введено много новых английских войск без протеста со стороны сирийцев или ливанцев и без согласия французов. На самом деле мы 25 мая обратились к сирийскому правительству с просьбой сохранить контроль над создавшимся положением, но 28 мая оно сообщило нам, что не в силах справиться с событиями и не может больше нести ответственность за внутренний порядок. Французы открыли артиллерийский обстрел в Хомсе и Хаме. Французские броневики разъезжали по улицам Дамаска и Алеппо. Французские самолеты летали на небольшой высоте над мечетями в час молитвы, на крышах зданий устанавливались пулеметы.

Примерно в 7 часов вечера 29 мая в Дамаске завязались ожесточенные бои между французскими войсками и сирийцами, продолжавшиеся несколько часов — до глубокой ночи. Французская артиллерия открыла огонь, вызвавший большие людские потери и причинивший серьезный

материальный ущерб; французские войска заняли здание сирийского парламента. Артиллерийские обстрел продолжался, по временам стихая, до утра 31 мая; было убито и ранено около двух тысяч человек.

Правительство в Хомсе уже обратилось к английской 9-й армии с просьбой добиться перемирия. Мы больше не могли оставаться в стороне, и 31 мая главнокомандующему вооруженными силами на Среднем Востоке генералу Бернарду Пэйджету было дано указание восстановить порядок. Он довел наше требование до сведения французского командующего, и последний, по указанию из Парижа, объявил о «прекращении огня».

Генерал Пэйджет проявил в этой обстановке большое благоразумие. Все прошло гладко, и с этим трудным и неприятным эпизодом в Сирии было покончено.